

УДК 316.776.34

ДЕМОНСТРАТИВНОЕ СОПРИСУТСТВИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОИЗВОДСТВА СОЛИДАРНОСТИ

Десенко Дарья Сергеевна – магистрант социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

В статье анализируется проблема включения индивидов в практики соприсутствия как инструмента производства солидарности. Подчеркивается, что в современном мире общее пространство информации и коммуникации порождает глобально узнаваемые символы, что приводит к интенсификации знаковой среды современного человека. Осуществляемая при этом апелляция к знакам может не учитывать смыслов, но, тем не менее, позволяет актуализировать разнообразные идентичности, формировать стереотипы восприятия и вовлекать индивидов в определенные практики, одной из которых и является солидарность. Формулируются выводы, что внешне демонстрируемая знаковая солидарность может подразумевать гораздо более широкий круг интенций, чем выражение позитивной настроенности по отношению к другим; это значит, что в современном мире происходит фрагментация и «размытие» солидарности.

Ключевые слова: соприсутствие, солидарность, селекция информации.

У статті аналізується проблема залучення індивідів у практики соприсутності як інструменту виробництва солідарності. Підкреслюється, що у сучасному світі спільний простір інформації та комунікації породжує глобально впізнавані символи, що призводить до інтенсифікації знаковою середовища сучасної людини. Здійснювана при цьому апеляція до знаків може не враховувати смислів, але, тим не менш, дозволяє актуалізувати різноманітні ідентичності, формувати стереотипи сприйняття і залучати індивідів у певні практики, однією з яких і є солідарність. Формулюються висновки про те, що зовні демонстрована знакова солідарність може мати на увазі набагато більш широке коло інтенцій, ніж вираз позитивної налаштованості по відношенню до інших; це означає, що в сучасному світі відбувається фрагментація і «розмиття» солідарності.

Ключові слова: соприсутність, солідарність, селекція інформації.

This article raises the issue of individuals engaging in the practice of the co-presence as an instrument of solidarity production. In today's world, a common space of information and communication creates globally recognizable symbols, which leads to an intensification of sign environment of modern man. Reference to the signs may not include actual meanings, but actualize a variety of identities, form stereotypes of perception and engage individuals in certain practices, one of which is solidarity. Externally demonstrated symbolic solidarity may imply a much wider range of intentions, than the expression of positive attitude towards others. Thus, we may conclude that there is a fragmentation and «blur» of solidarity in the modern world.

Keywords: co-presence, solidarity, selection information.

В современном глобализирующемся обществе массмедиа оказывают большое влияние на жизнь общества в целом и на каждого человека в отдельности, формируя не только определенные установки или общественное мнение, но и настроения, эмоции, чувства потребителей информации. Стандарты потребления постоянно расширяются, формируются целые системы манипулирования вещами как знаками.

В таком мире все более значимой становится особенность массмедиа, когда «за кадром» остаются одни события, а широкую огласку получают иные - потенциально рейтинговые новости. Технологизация средств коммуникации привела к увеличению возможности не только потребления, но и выражения, маркирования, демонстрации своего отношения к тому или иному событию. В условиях иллюзорной информационной открытости мира и повсеместной доступности массмедиа появляется широкая возможность для субъектов выбора идентичностей, практик принадлежности и причастности. Демонстрируя, то есть знаково маркируя свою позицию, индивид также осуществляет селекцию принадлежности и причастности к конкретной практике, идентичности, поэтому можно сказать, что демонстративность и селективность – это связанные явления. Современный индивид всему открыт, но

воспринимает все как знаковую поверхность, не пытаясь даже проникнуть в глубину вещей, в смыслы и значения знаков. Современная культура довольствуется миром симулякров, следов, означающих и принимает их такими, каковы они есть, не пытаясь «добраться» до означаемых. Апелляция к знакам может не учитывать смыслов, но, тем не менее, актуализировать разнообразные идентичности, формировать стереотипы восприятия и вовлекать индивидов в определенные практики, одной из которых и является солидарность. Вопрос солидарности являлся актуальным во все времена, к ее изучению обращались Ф.Тённис, Э.Дюркгейм, К.Маркс, Н.Луман и многие другие представители общественных наук. В кризисные периоды эта тема становится еще более значимой. С развитием системы массмедиа появляются новые формы сетевой, знаковой солидарности, но внешне демонстрируемая знаковая солидарность может подразумевать гораздо более широкий круг интенций, чем выражение позитивной настроенности по отношению к другим. В знаковом обществе несуществующих подобий избранная нами проблема представляется актуальной темой для исследования.

Целью данной статьи является концептуализация феномена демонстративного соприсутствия как практики, включающей и воспроизводящей солидарность в современном обществе.

Реализуя эту цель, мы позаимствовали у Мартина Хайдеггера понятие «соприсутствия» [1], которое легко транспонируется в феноменологию А. Шюца, а также в символический интеракционизм Дж. Мида. Мы предлагаем определять соприсутствие как (едино)временное присутствие в (едином) пространстве, которое предполагает возможность понимания смысла и соотнесение своих действий с ориентацией на Другого. Все мы присутствует в хайдеггеровском смысле в этом мире; и наше «Я» или наша самость, идентичность может быть понята и осознана только через не-«Я», то есть в процессе познания «значимых других». Соприсутствуя, мы разделяем интересубъективный мир другого человека или группы. Однако соприсутствие по сути не предполагает действия, а только (едино)временность и интенцию на понимание Другого. Демонстративное соприсутствие при этом мы предлагаем понимать как акт включения по отношению к социальному институту. Своим включением или исключением актор сигнализирует о своем соприсутствии – только обозначая себя, он становится «видимым» для системы.

С развитием массмедиа и технических средств появились новые формы подачи и проявления соприсутствия – такого, которое не требует от индивида непосредственного присутствия или участия. А массмедиа выступает как инструмент идеологического конструирования, механизм транслирования и утверждения принятой в данном обществе системы ценностей. Наша ключевая гипотеза заключается в том, что в современном обществе соприсутствие становится отчужденным товаром, практикой, которая активно производится и потребляется с целью репрезентации себя, а также маркирования и разграничения социального пространства. Дело оказывается не в самом соприсутствии, а в социальной демонстрации оною.

Соприсутствие в условиях увеличения разрыва между означающим и означаемым становится, если использовать (термино)логику Бодрийяра, симулякром. Самостоятельное конституирование своего собственного Другого как средства достичь автономности перед лицом социума оборачивается банальным «бегством» от общества, сотворением несуществующих подобий, симулякров. Конституирование симулякров принимает форму фальшивых (ложных) воспоминаний и идентификации с несуществующими другими [2]. Иными словами, свое сходство и различие с несуществующей моделью «придумывается», имитируется, себе подобные изобретаются. Поскольку человек удваивает и даже множит то, чего у него нет, приходится говорить о конституировании симулякра [3].

При этом индивиды включаются в практики соприсутствия без эмоционально-аффективной составляющей. Без одного или нескольких компонентов триады включенности (когнитивный-аффективный-конативный) данная практика становится конформной и шаблонной. Кроме того, что индивид, включаясь/исключаясь в практики соприсутствия, может как идентифицировать себя с определенными социальными группами, так и дистанцироваться от них, сама информация, интерпретируемая индивидом, тоже проходит определенную селекцию.

Непосредственная связь между медиасообщениями и общественной значимостью вопросов, то есть представлением аудитории о важности определенных проблем — пример феномена, получившего название установления приоритетности новостей, одной из разновидностей медиавоздействия.

О селективности массмедиа писали такие известные социологи, как П. Бурдьё, Н. Луман и другие. Конвергируя их взгляды в рассмотрении массмедиа как системы, можно прийти к выводу, что всякой системе характерна структура, которая определяется составом элементов и функциональными связями. Лумановское структурное сочленение трех компонентов системы массмедиа (новости/сообщения, реклама, развлечения) с такими системами общества, как политика, экономика, искусство [4], в

современном глобализирующемся мире не представляется актуальным. Происходит «размытие» внутренних границ в системе массмедиа. Так, реклама, стремясь колонизовать жизненный мир индивида [5], сегодня представлена и в области развлечений («ненавязчивая» реклама в фильмах), и в области новостей, и даже в повседневной коммуникации агента («контекстная» реклама в интернете). Политические интенции влияют на характер и направленность развлекательного контента, а система экономики зачастую участвует в производстве медийного дискурса.

Система массмедиа многоканальна. Н. Луман отмечает, что одной из важнейших особенностей кода информации является его отношение ко времени. Информация устаревает очень быстро, поэтому эффективнее использовать более одного объекта, который, если мы следуем логике Н. Лумана, принимает решение о соответствии коду системы, то есть является ли это информацией. Впоследствии принимается решение о сообщении или не-сообщении полученной информации. Здесь Н. Луман отмечает, что на это решение влияют такие критерии отбора, как конфликтность, количество, локальность, нарушение норм, исключительные случаи, серийность и т.д. Выбирая, какие события будут освещаться, в каком масштабе, а какие нет, продолжает за Н. Лумана П. Бурдьё, за кадром остается важная информация, которой зритель должен был бы по идее располагать, но ему не предоставили такую возможность [6]. Подобный фрейминг селективен и может отказывать чему-либо в существовании (тому, что оказывается за рамками). Не говоря о чем-то, массмедиа (без)(у)словно признают объективно существующий порядок.

Здесь, с другой стороны, можно апеллировать к тому, что система массмедиа обладает определенной интенсивностью загрузки и, несмотря на многоканальность, информация пребывает в очереди ограниченное время (иначе говоря, теряет свою актуальность и удаляется из очереди). Очередность информации определяется, по Бурдьё, fast-thinker-ами, которые (условно) присваивают приоритетность той или иной новости в зависимости от предполагаемой выгоды. Но этим можно объяснить селективность газет и телевидения, чей выходной поток ограничен временем эфира или объемом издания. Но с появлением интернет-СМИ, которые гораздо менее ограничены временными и материальными ресурсами, селективность освещения одних событий при практически полном игнорировании других в очередной раз поднимает вопрос ангажированности систем массмедиа, причём ангажированности не только рыночной логикой или логикой физической ёмкости, но и бурдьёвистским «здравым смыслом» как вместилищем «непроговариваемого» и «очевидного в силу неозвучиваемости».

После принятия решения об освещении событий идет категоризация тем и собственно трансляция отобранной информации, и здесь она подвергается тому, что Бурдьё назвал «невидимой цензурой»: ограничению времени, языка и темы. После этого система массмедиа передает пас потребителю новостей – аудитории и, как отмечалось ранее, считается, что система массмедиа не несет непосредственной ответственности за понимание или восприятие полученного сообщения.

Тем не менее, еще в 70-годы прошлого века был обнаружен «перенос значимости» проблем из СМИ на аудиторию (например, «Исследование в Чэпел Хилл» Максвелл Мак-Комбса и Дональда Шоу) [7, с. 164]. Сами массмедиа в подаче информации все больше и больше апеллируют к визуализации, знакам, симулякрам. Специалисты данной отрасли прекрасно осознают, что соответствующая подача информации воспринимается проще, нагляднее, и на ее «впитывание» и усвоение тратится намного меньше времени. Побочным продуктом этой наглядности становится некритичное и поверхностное отношение индивидов к предлагаемой информации.

Одной из предпосылок, которая сделала глобализацию возможной в том виде, в котором она сейчас существует, является научно-технический прогресс и доступность, универсальность средств коммуникации. В традициях франкфуртской школы коммуникация рассматривалась как деятельность, которая опосредуется символами и опирается на строгие социальные нормы [8]. Коммуникативная проблематика напрямую увязывается немецкими мыслителями с научно-техническим прогрессом современного общества, развитием науки, техники, рациональности. Тем не менее, рациональность не воспринималась ими с веберовским оптимизмом: в рациональности они видели символ «расколдовывания» мира, безвозвратной потери им очарования непознанности и неподвластности, она становится одним из проявлений «духа капитализма», его неизбежной судьбой, синонимом подавления, массовой стандартизации и регламентации. На первый план выходит не создание и открытие духовных и нравственных истин, а воспроизводство и массовое тиражирование уже открытых истин («готовые идеи», по П. Бурдьё) с помощью средств массовой информации.

Данные (производственные) отношения, описанные мыслителями франкфуртской школы, можно экстраполировать и на солидарность. Транслируя «готовые идеи», массмедиа предлагает мыслить только в

ритме «раз-и-навсегда-установленной» заданности, а действовать – лишь в рамках определенных указаний и утверждений. Именно такими инструментами задается стереотипизация форм проявления (а следовательно, и внешнего прочтения) солидарности. Стереотип является важнейшим элементом организации опыта индивида, но стереотипы – это всегда упрощение, опосредование, и в большей или меньшей степени все они ложны [9, с. 98]. Использование все более отчужденных стереотипов в СМИ приводит к тому, что аудитории предлагается по сути клише. Индустрия солидарности посредством производства значения вещей, атрибутов, знаков, мифологем предлагает потребителю включаться в практики солидарности. Феномены солидарности сегодня куда легче обнаружить, если оставаться на поверхности происходящего, а не устремляться в глубины причинно-следственных посылов. Как уже подчеркивалось выше, внешне демонстрируемая солидарность может подразумевать гораздо более широкий круг интенций, чем выражение позитивной настроенности по отношению к другим.

Верификацию наших гипотез о демонстративном/селективном соприсутствии мы предлагаем осуществить на кейсе широко освещавшейся недавно трагедии, произошедшей во Франции 13 ноября 2015 года.

Когда происходит какое-либо *событие*, система массмедиа осуществляет *селекцию информации* и на основе критериев, рассмотренных нами ранее, принимает решение, стоит ли освещать это событие и, если да, то в каком масштабе. Дальнейшая селекция информации происходит на уровне *получения и понимания* сообщения аудиторией – потребителем информации. Она может быть не воспринята или не понята, в силу этого становится невозможным соприсутствие.

«*Несоприсутствие*» в таком случае будет строиться на принципиальном отсутствии возможности понимания, а через это – и со-бытия. Это может быть связано с тем, что в результате селекции информации соприсутствие неосуществимо социально или технически:

- это может быть селекция информации на уровне массмедиа: событие может не освещаться широко или вообще не освещается, поэтому потребители информации могут быть о нем не осведомлены;
- или это может быть селекция, осуществляемая индивидом на уровне таких его жизненных практик, как предпочтение и выбор определенных информационных источников или, например, просто отказ от просмотра новостей – практика, приобретающая все большую популярность в контексте интенсификации информационной среды современного человека.

Как отмечалось выше, соприсутствие мы рассматриваем как (едино)временное присутствие в едином со-пространстве, которое предполагает возможность *понимание* смысла и соотнесение своих действий с ориентацией на Другого.

«*Демонстративное несоприсутствие*» определяется нами как отказ, демонстративный отказ от маркирования своей позиции, как отказ от участия в символической борьбе. Этот демонстративный отказ тоже маркируется и манифестируется особым образом. Сам факт соприсутствия не гарантирует проявление или демонстрацию оного.

- индивиды могут владеть информацией о событии, но индифферентно к нему относятся и никак не проявляют своего сопричастия или отношения к этому событию;
- в зависимости от индивидуальных особенностей и субъективных жизненных позиций человек может сопереживать определенному событию (как частный случай соприсутствия), но деятельно это никак не выражать;
- демонстративное несоприсутствие может проявляться в демонстрации своей осведомленности, но отказе включения в практику солидарности.

Позиция «несоприсутствия» не представляют для нашего исследование непосредственный интерес, хотя бы потому, что демонстрируемый семиозис делает наблюдение явным, а если позиция никак не маркируется, то и не подвластна внешнему наблюдению. Однако данное пространство нерепрезентаций очерчивает для исследователя пространство демонстративного соприсутствия. Тех, кто исключен из нашего анализа, условно можно было бы назвать «молчаливым большинством» в бодрийяровской (термино)логике, но, как мы уже говорили, демонстрация соприсутствие отнюдь не исключает шаблонности или конформности практики, поэтому пространство молчаливого большинства, по идее, гораздо шире.

«*Демонстративное соприсутствие*» в нашем исследовании предполагает обозначение своей позиции, в частности это может выражаться путем маркирования своего виртуального тела. В рамках демонстративного соприсутствия может быть:

- *«включение в практики солидарности»* (наблюдая событие извне, мы не можем диагностировать, насколько существенна эта солидарность: затрагивает ли она аффективно-эмоциональную сторону или проходит как конформная, шаблонная инсценировка, поэтому включение в солидарность в нашем исследовании предполагает только конативное, практическое выражение солидарности);

- *«исключение из практик солидарности»* (индивид не то, чтобы не сопереживает какому-либо событию, он позиционирует, подчеркивает и репрезентирует противоположную позицию, самоисключает себя из пространства солидарности).

Форм проявления разнообразных реакций на произошедшие события довольно много; демонстративное включение и демонстративное исключение имеет смысл рассматривать компаративно, так как второе часто проистекает из первого. Кроме того, из-за широкого спектра проявлений для удобства анализа, мы типологизируем формы проявления включения в практики солидарности и исключения из практик инструментально, то есть посредством того, в какой форме она проявляется и осуществляется.

Символьной солидарностью мы обозначаем солидарность, которая выражалась в обозначении пространства, себя или своего виртуального тела. Если это касалось маркирования себя или своего виртуального тела, то включение в практики солидарности в контексте названного выше кейса выражалось в нанесении на открытые участки кожи Эйфелевой башни, вписанной в круг; смена аватарок в социальных сетях – на флаг Франции или просто траурную символику. Широкое освещение получил проект «Мировой солидарности» по окрашиванию зданий по всему миру в цвета французского флага. С другой стороны, были такие реакции, как принципиальный отказ ставить у себя в профиле французский флаг [10]. В данном случае это является проявлением демонстративного несоприсутствия и одновременно исключением из практик солидарности.

В интернет-полилогах прослеживаются реакции, которые можно охарактеризовать как исключение из практики солидарности. Демонстративное упоминание темпорально близких трагедий в Африке и на Ближнем Востоке («Когда... скорбь по жертвам ИГИЛ?», «Чёт не припомню... #ЯКения»). Кроме того, они стигматизируют и окрашивают противоположную позицию в черные цвета такими фразеологизмами, как «лицемерная скорбь», «профессиональные плакальщики», «показушное шоу».

В противопоставление этому подчеркивается мировое культурное значение Парижа («Париж – это культурный символ цивилизации»), а также отсутствие сочувствия и сопереживания у критикующих: «...сами вы лицемеры...», «...вы можете сопереживать только родным и близким...».

В отношении маркирования виртуального тела очевидно, что включение в практики солидарности, посредством смены аватарки служит сигналом для тех, кто активно демонстрирует противоположную позицию, для селективного исключения подобных индивидов из виртуального профиля: «почистил списки от идиотов (в соцсетях и реале)». Тут следует отметить, что обвинению в «лицемерии» обычно не подвергаются жители самой Франции: «Не попал под удаление, ибо он там живет».

Следует отметить такое явление, как рейтинговое использование популярных хештегов для привлечения внимания к постам, не связанным с трагедией. Мы относим это к демонстративному исключению из практик солидарности, так как акцент подобного маркирования сознательно строится на субъективной выгоде.

Это согласуется с тем, что выражение гражданской солидарности (соприсутствие французов или парижан со своими согражданами-пострадавшими) не подвергается критике (по крайней мере, не было зафиксировано в новостях и комментариях). Мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что гражданская солидарность в основном выражалась в предложении конкретной помощи: предложении крова, бесплатной транспортировки домой и пр. Французами, подвергшимися наибольшей критике, стал журнал «Шарли Эбдо», который, с одной стороны, является пострадавшим, а с другой – его обвиняют в «пиаре на «костях»», «смерти людей как поводе для пиара, насмешек, издевок». Эта двойственное положение журнала выразилось в двух течениях – #JeSuisCharlie и #JeNeSuisPasCharlie. Аналитик Н. Леннард считает оба слогана неудачным ответом на парижскую трагедию, поскольку вместо призыва к диалогу сторон они переводят проблемы в плоскость противостояния [11].

Ношение разнообразных атрибутов, подчеркивающих солидарность, мы отнесли к демонстрации атрибутивной солидарности, и тут отмечено как появление благотворительных акций, сочетающих и ношение символики солидарности и благотворительную поддержку пострадавших от теракта, так и предпринимательская активность и «товаризация» солидарности в виде сумок, футболок, флажков (и даже слюнявчиков), продающихся на Амазоне. Что комментировалось и проявлялось в такой лексике как: «денежные отношения», «неважно, на чём зарабатывать», «что святое осталось – это доллар».

Солидарність виражалась в творчих актах різних діячів мистецтва: нарисован знак підтримки Франції художник Бэнкси, створювалися піщані композиції в пам'ять о погиблих. Демонстративно виключаючи себе з практик солідарності теж по-своєму творчески виражали свою позицію – створюючи карикатури, шаржі і демотиватори в семантиці і логіці «Твій лайк спасе чю-то життя».

Близко по змісту до творчої солідарності розпорядиться один з видів солідарності, виділений нами в окремий вид, – публіцистична солідарність, яка виражається в публікаціях статей як пояснюють таку гостру солідарну реакцію громадського мніня на теракти в Парижі («Нам жалі себе в Парижі і Парижа в собі», і позоому люди «обмінюються своєю болію, а якщо вона одна на всіх, да еше така іскрення і сильна, то бшстро зростає в геометричній прогресії»), так і підкреслюють, що «двійні стандарти реакції на подібні трагедії давно уже стали нормою, привычною для нас. Ми уже не зауечаємо їх». Прикладом проявлення солідарності, отнесенної нами до цієї категорії, стала популяризація книги Ернеста Хемінгуей «Праздник, який завжди з тобою»: парижани часто приносять екземпляри книги Хемінгуей разом з квітами і свічками до місць п'ятничних нападень, щоб почитати пам'ять погиблих [12].

Демонстрація включення/виключення в практиці солідарності виражалась в публічних висказуваннях, акціях і заходах. Можна докладніше розглянути реакцію громадськості на публічне вираження соболезування Мадонни, її слези на сцені. В інтернет-полілогах можна зауечити як реакції «респект», так і «показушниця», «почому не плакала 2 мая?» і т.п.

Наконець, говорячи о технологічній солідарності, ми маємо в виду, що багато інтернет-сервісів запустили плагіни, застосунки і благодійні акції, щоб практично допомогти і тим самим виразити солідарність і підтримати постраждалих в результаті теракта.

Характерним для даних позицій демонстративного включення і демонстративного виключення є прагнення протиставлятися один одному, а також стигматизувати протиставлену позицію. Як, наприклад, моделі, в частині Ірину Шейк, осудили соотечественники за «вираження підтримки Франції, перенесшей серію терактів, но почему-то всего две недели назад полностью проигнорировавшей страшную авиакатастрофу в Египте, унесшую жизни больше 220 человек» [13]. С протиставленою позицією можна привести в приклад французького коміка Дьедонне Мбала Мбала, якого за шутку про теракт в редакції Charlie Hebdo заарештували. Він написав в соціальній мережі, що в час акції солідарності в Парижі відчував себе як «Шарлі Кулибали». Він об'єднав назву журналу і ім'я терориста, який напав на магазин кошерних продуктів. За це коміку пред'явлено обвинення в «защите тероризма». Французькі влади почали проти Дьедонне кримінальне розслідування [14]. Подібна стигматизація характеризує антагоністичність позицій демонстративного включення/виключення.

Виходячи з аналізу кейса, можна сказати, що солідарність в сучасному світі має багаті форми проявлення, причому демонстрація солідарності призводить не до об'єднання перед обличчям певної проблеми (як в нашому кейсі – проблема тероризма), а до поляризації дискурсу з-за того, що під сумнів ставиться суттєва характеристика солідарності. Менше всього ставилась під сумнів та солідарність, яка виражалась в конкретній практичній діяльності по наданню допомоги постраждалим, а нові форми солідарності (такі, як маркування віртуального тіла або солідарності, пов'язані з рейтингом, публічністю) викликали найбільшу поляризацію мнінь. Те солідарності, які однозначно інтерпретувались з точки зору матеріальної вигоди, осудились всіма.

Таким чином, можна зробити висновок, що в сучасному світі відбувається фрагментація і «розмиття» солідарності як практики. Під поняттям солідарності розуміється сьогодні занадто широкий коло інтенцій, які ускладнюють досягнення консенсусу. Але цей багатий асортимент «масок, за якими приховані інші маски», можна насправді звести до декількох альтернатив, які переносять акцент до питання протистояння і розмежування соціального простору.

Література:

1. Хайдеггер М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер, Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 509 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякр и симуляция / Жан Бодрийяр, Перевод О. А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.

3. Осанов А. А. Бытие-с-другим: интерсубъективный уровень человеческого бытия [Электронный ресурс] / А. А. Осанов // *Сущность и структура человеческого бытия*. Владимир, 2001. – Режим доступа к ресурсу: <http://hpsy.ru/public/x2977.htm>
4. Луман Н. Реальность массмедиа / Никлас Луман, Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Практика, 2005. – 256 с.
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Юрген Хабермас – СПб.: Наука, 2001. – 419 с.
6. Бурдьё П. О телевидении и журналистике / Пьер Бурдьё, Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; Отв. ред., предисл. Н. Шматко. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
7. Брайант Дж. Основы воздействия СМИ / Дженнингз Брайант, Сузан Томпсон: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.
8. Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Пер.с нем. М. Кузнецова. – М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
9. Липпман У. Общественное мнение / Уолтер Липпман, Пер. с англ. Т.В Барчуновой, редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
10. Британский журналист: почему я не поставлю в профиль французский флаг [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <http://www.krasfeed.ru/archives/1909>.
11. Lennard N. 'Je Suis Charlie' and 'Je Ne Suis Pas Charlie' Are Both the Wrong Response to the Paris Massacre [Электронный ресурс] / N. Lennard – Режим доступа к ресурсу: <https://news.vice.com/article/je-suis-charlie-and-je-ne-suis-pas-charlie-are-both-the-wrong-response-to-the-paris-massacre>
12. Мемуары Хемингуэя о Париже стали хитом продаж [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <http://korrespondent.net/world/3592548-memuary-khemynhueia-o-paryzhe-staly-khytom-prodazh>.
13. Ирину Шейк осудили за лицемерие: модель скорбит по Франции, но не заметила крушения российского А321 [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <http://bloknot.ru/kul-tura/irinu-shejk-osudili-za-litsemerie-model-skorbit-po-frantsii-no-ne-zametila-krusheniem-rossijskogo-a320-345781.html>
14. Французского юмориста арестовали за шутку о Charlie Hebdo [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <http://ru.euronews.com/2015/01/14/dieudonne-detained-by-french-police/>